

А. Шелехов: «Я, можно сказать, врос в иконопись»

К празднику Пасхи – Светлому Христову Воскресенью - в Православном кафедральном соборе Святого Николая в Монреале произошли обновления. На иконостасе появились две новые большие иконы Архангелов Михаила и Гавриила. Их написал потомственный иконописец Александр Шелехов. Его отец Николай Шелехов приехал с семьей в Канаду в 1975 году, а путь иконописца начал в 1938 г. На странице церкви Святителя Николая в Штутгарте, для которой Н. Шелехов писал иконы в 1972-73гг., имеется его краткая биография. В ней сказано, что слова архиепископа Серафима "Ты должен был бы стать иконописцем" сыграли решающую роль в том, что Н. Шелехов избрал для себя этот путь.

О его сыне - монреальском иконописце – Александре Шелехове знают далеко за пределами Канады. И это при том, что информации в Интернете о нем практически нет. «Все некогда сделать собственный вебсайт» - объясняет ситуацию Александр.

Мы беседуем с ним в его мастерской, которая перешла к нему от отца. Александр с увлечением рассказывает о том, как пишет иконы. В его мастерской больше похожей на библиотеку – стелажы с книгами и стол, где лежат эскизы. Свет падает из окна на стол.

- Тут я работаю, - указывает на стол Александр и объясняет почему пишет иконы в на столе, а не на мольберте.- Самая тонкая работа в ликах. Когда маленькие лики, тогда метод называется «заливом». Краска наливается, делается что-то вроде лужицы. А потом, когда краски высохают, то происходит такое просвечивание. Когда большие лики, тогда можно методом «впритиру». Тогда несколько слоев и не так тонко, можно и вертикально писать.

- Александр, где вы учились технике иконописи?

- Я все это знаю от моего папы.

- Николая Николаевича Шелехова, да? Я читала, что он принял монашество...

- Когда-то давным давно был монахом, а потом снял рясу. Но всегда оставался близок к церкви. Что-то тогда произошло, он не любил об этом говорить. Он был монахом в Болгарии, там он очень много работал, расписывал храмы. Он работал в самом знаменитом болгарском монастыре – Рильском – девять лет. У него была там мастерская. Я родился еще в Софии, а когда мне было 7 лет, мы переехали в Германию. Там папа тоже работал иконописцем, расписывал русские храмы.

- Он был профессиональным иконописцем?

- Да, именно профессиональным. Он всю жизнь этим занимался. Он несколько месяцев жил в мастерской в Белграде у одного тогда знаменитого иконописца, которого звали Павел Софронов. Тот потом переехал в Америку. А в 30-ые годы у него была мастерская в Белграде. Папа мне рассказывал, как он у него учился. Софронов работал, делал свои работы, а папа сидел, смотрел, все записывал, задавал вопросы. А потом, когда вернулся в Болгарию, то начал сам писать. Тогда этот метод не был настолько хорошо известен. Это старинный метод. Софронов был из староверов, которые хранили эту традицию иконописи. В 19 веке, когда иконы больше писались масляными красками, староверы сохранили метод письма яичными красками.

- И ваш отец все время работал яичными красками?

- Да.

- А вы?

- А я с недавнего времени стал писать акриловой. В Америке уже давно так пишут многие иконописцы. В монастыре в Джорданвилле был знаменитый иконописец о. Киприан. Он еще в 70-ых годах начал писать акриловой.

- А церковь не была против?

- Конечно, нет, почему? Единственная разница – вместо яйца – акрилика. Важен не материал как таковой, важно, что и как изображается.

- В иконописи есть определенные каноны, которым надо следовать?

- Каноны изображения.

- Иконописец – это художник, который должен работать в определенных рамках?

Вы, например, не можете использовать свое воображение, чтобы изобразить что-либо на иконе?

- Нет, нет. Хотя можно варьировать краски, менять колорит. Поэтому иконописцы и не называются художниками. Они связаны с традицией и церковью. Иконописец должен знать традицию, как изображаются святые, как пишется образ. И все делается на базе старинных икон, которые уже испытаны церковью. Такие иконописцы, как Андрей Рублев и Дионисий – они были гении, но гении церковные, они писали в рамках традиции. Но на них действовал Святой Дух, и они создавали что-то новое. Например, «Троица» рублевская. Икона с Троицей существовала до Рублева, Она была написана по сюжету из Старого Завета: Бог явился в виде трех мужчин Аврааму и Саре. Тогда эта икона называлась «Встреча Авраама с Господом». Рублев взял саму суть: три мужа у него в виде трех ангелов.

- Такие иконы, вероятно, не пишутся часто?

- Нет, конечно. И главное, это не происходит по воле самого иконописца. Если что-то такое произойдет, то это вдохновлено Верой и близостью к церкви. Церковь строго следит за работой иконописцев, и всегда следила. Почему иконы, после написания, приносятся на освящение в церковь? Икона фактически не нуждается в освящении. То, что изображено на иконе, это Образ. Надо освятить, потому что таким образом церковь удостоверяет, что приняла эту икону. Это делается для того, чтобы избежать неканонических икон.

- В каком возрасте вы начали писать иконы?

- Я вырос с этим. Я, можно сказать, вырос с иконописью. В Германии у нас была квартира, одна комната которой была отдана под мастерскую моего папы. Я там всегда находился. Для меня это было совершенно нормально, что папа дома пишет иконы. Я начал постепенно помогать папе, смотрел, как он работает...

- Он вас привлекал к этому?

- Да, конечно, он мечтал, чтобы я стал иконописцем. Он очень хотел передать свое мастерство. Конечно, не настаивал, потому что силой такого нельзя сделать. Я начал постепенно пробовать. Первые иконы я написал, когда мне было лет 12. Конечно, я их писал под папиным надзором. Первая икона была Архангел Михаил. Потом был период, когда я меньше этим занимался – учился в университете.

- Вы изучали живопись?

- Нет, я изучал лингвистику, перевод. Я хотел быть переводчиком, историком.

- То есть вы не собирались следовать по стопам своего отца?

- Знаете, в юности приходят разные идеи. Когда мой папа умер, я опять вернулся к иконописи. Он был уже при смерти, когда говорил мне, чтобы я хотя бы

попробовал. После его смерти я сразу написал четыре иконы. У нас был хороший знакомый из Германии, который приезжал к нам иногда. Через него очень многие немцы заказывали отцу иконы. Он приехал, увидел мои иконы и взял их с собой. Они понравились и их всех сразу купили. Один из первых больших заказов был для Церкви Казанской Иконы Божией Матери в Роудоне. В иконостасе не хватало икон для Царских дверей: четыре Евангелиста и Благовещение Пресвятой Богородицы. И одна прихожанка - госпожа Сахарова - решила мне заказать эти иконы. После этого другие жители Роудона – прихожане этого храма – тоже стали мне заказывать иконы и делать дарения этой церкви. Если вам придется побывать в Роудоне, то там вы увидите мои иконы. Это из первых – написаны 30 лет назад.

- А можно сказать про иконописца, что со временем меняется его рука, стиль?

- Конечно, меняется благодаря практике. Когда я смотрю на иконы, которые я написал 30 лет назад и сейчас, то я вижу разницу. 30 лет – это же большой опыт. Однако канон всегда остается тем же, стиль такой же.

- У вашего папы были выставки работ, а у вас?

- У папы действительно было очень много выставок в Германии. Здесь он не организовывал выставки, потому что уже был болен. И у него всегда было очень много заказов. Я не устраиваю выставки тоже потому, что у меня много заказов. Я еле-еле успеваю, а люди ждут. Икона пишется не быстро - это медленная работа. Есть много этапов написания одной иконы. Ее нельзя сделать просто так, на быструю руку. Сначала подготовительный этап, затем один слой, второй слой, потом лики – тоже несколько слоев, потом украшения, позолота... Кстати, над теми иконами, которые я написал для собора Святого Николая, я работал месяц. Месяц настоящей работы, а не между прочим.

- Эти работы тоже чей-то дар церкви?

- Да. После того, как в 1998 г. наш храм сгорел, один старенький священник вместе со своей матушкой дали деньги для того, чтобы начать возобновлять иконостас. Главные иконы на иконостасе – это тоже их дар.

- Это тоже ваша работа?

- Тоже я писал.

- То есть практически все новые иконы, которые появились в храме после пожара – ваша работа?

- Можно сказать, да. На иконостасе, и на колоннах... Это все дарения прихожан храму.

- А вы и дальше продолжите работу над иконостасом?

- Да. Долгое время наша церковь не могла решить, каким будет иконостас. А сейчас решили, что мне надо продолжать работать над тем, что уже было заказано. И мне сказали, что в этом году хорошо было бы иметь две новые иконы. Я обещал и сделал.

- То есть действительно работы много?

- И не только на этот храм. Заказы приходят отовсюду – из Германии, Америки. Я довольно много писал икон для Германии, теперь больше работы для Канады и Америки.

- Александр, выходит, что иконописцы востребованы сейчас. И школа иконописи, вероятно, в России уже восстановилась за прошедшие 20 лет?

- О, Россия не нуждается в западных иконописцах. В России столько много замечательных иконописцев, школ. Я был в России в 1992 г., и уже тогда я заметил, что движение по восстановлению храмов происходило с очень большой скоростью. Я встречался с иконописцами. Откуда они взялись?! Какие замечательные работы я видел! Мне рассказывали батюшки отреставрированного храма, что просто с улицы зашел человек и сказал, что он иконописец. И он написал замечательный иконостас.
- А здесь в Канаде вы единственный иконописец?
- Здесь много иконописцев. У греков – много. Хотя мне и из греческой церкви тоже заказывают.
- А вообще любой художник может стать иконописцем? Или нужно унаследовать профессию от отца, как в вашем случае?
- Конечно, художник может стать иконописцем, но ему надо отключиться от того, что он знает, как художник. Хотя некоторые вещи, конечно, помогают. «Набитая» рука – это хорошо. Но надо отказаться от того, что в иконе нет места для выражения своего «я». Хотя рука иконописца все равно видна. Я, например, всегда могу узнать иконы, написанные моим папой. Я вижу, как лики написаны, вижу его колорит. Например, в 20-30 гг. во Франции был такой знаменитый иконописец Григорий Круг. У него тоже был своеобразный стиль на базе канона, конечно. Его иконы всегда можно отличить. Когда у иконописца есть талант, его рука видна в его работах.
- И вы ничего, кроме икон, не пишете?
- Нет, ничего. Когда был маленьким, любил рисовать разные вещи. А сейчас только иконописью занимаюсь. Я, конечно, умею и другое.
- А на чем вы пишете свои работы? Я читала, что иконы пишутся на досках из липы, это так?
- Это все не важно, но это я так считаю. Другие думают иначе, что в иконописи – все важно. Я думаю, что материал здесь не имеет значения. Не надо обожествлять материал, это ересь. Канон говорит только об изображении, а не о материале. Многие западные иконописцы предпочитают работать на фанере самого высокого качества. Фанера – стабильная, не гнется со временем. А дерево – гнется, трескается. Кроме того, настоящее дерево здесь найти очень трудно, а если найдешь, то выйдет очень дорого. Никто не сможет позволить себе приобрести такую дорогую икону.
- Самая хлопотливая работа, вероятно, идет над ликом?
- В иконе много деталей, но если там изображен один святой, то все внимание сконцентрировано на лике. Все в лике. Когда человек молится, то он смотрит на лик. Действительно важно, чтобы лик привлекал человека, чтобы он мог молиться этому святому. Писать лик – это самый ответственный момент. В классической иконе все детали что-то обозначают. Там нет ничего несущественного. Это текст. Икона – это Евангелие в красках, так говорится. В одно время, когда большинство людей были неграмотные, церковь с помощью икон учила людей Евангелию, жизни Христа, и вообще религии. Поэтому было важно, чтобы все было правильно на иконе.
- А элементы растительности, например?

- В классической иконе растения это не имитация реальности, а, напротив, это мир, который одухотворен Святым Духом. Кроме символики, там присутствует стилизация. Икона создана для того, чтобы человек отвлекся от окружающего мира.
- Для того, чтобы следовать канону, вы пользуетесь репродукциями тех икон, которые пишете?
- Да, на базе репродукции я пишу новые иконы.
- Над чем вы сейчас работаете?
- Как раз для праздника Иконы Казанской Божией Матери я пишу икону «Собор Северо-американских святых» для церкви в Роудоне.
- Такая икона уже существует?
- Да, на ней изображены Просветитель Иннокентий, Иоанн Шанхайский, Герман Аляскинский, Петр-Алеут, Патриарх Тихон и др...
- У этой иконы тоже есть традиции написания?
- Есть. И, кроме того, известно, как каждый святой действительно выглядел. Есть много икон этих святых. Есть даже фотография Иоанна Шанхайского. И здесь тоже должен быть сохранен старинный стиль. Задача иконописца: на базе фотографии создать иконописный лик. Нужно сохранить черты реального человека. Получается не портрет, но изображение, похожее на того или иного святого, реальный облик которых был известен.
- Для вас это новый вид деятельности?
- Нет, мне приходилось писать такие иконы. Недавно я писал икону новомученика, с изображением которого есть только одна икона. Я писал на ее базе, хотя она мне не понравилась, поскольку изображение на ней не похоже на фотографию этого новомученика. Я больше писал на базе фотографии. Это Сергей Заварин. Икону мне заказал один из потомков этого новомученика. Бывают такие индивидуальные заказы.
- Вам, вероятно, приходится проводить большую исследовательскую работу: изучать жития святых.
- Очень много святых. Бывает так, что заказывают иконы таких святых, которых я не знаю. И даже часто невозможно найти их изображения. Мне приходилось самому создавать икону. Это самое трудное. Надо знать, когда жил святой, что о нем известно: возраст и пр.
- Церковь принимала ваши новые иконы?
- Конечно, потому что нет другого образа.
- И другие иконописцы, если им придется писать этого святого, должны обращаться к созданному вами образу?
- Да, если они его найдут. И очень важно, чтобы на иконе было написано, кто это. Поэтому на каждой иконе всегда написано, кто на ней изображен. Особенно иконы святых, фотографий которых не существует, похожи друг на друга, ведь это же не портреты.
- А авторской подписи на иконе нет?
- Я не ставлю. Только на обратной стороне. Хотя я видел, что греки ставят подписи прямо на иконе. Они пишут «От руки такого-то». Но, по-моему, не место имени иконописца на иконе. Даже Рублев не писал, что это Рублев. Это просто известно было.

- Скажите, Александр, а вы считаете себя учеником своего папы?

- Да, я из его школы. Он писал в старой русской манере, которая известна как новгородская и московская. И я так работаю. Хотя я все время учусь у других иконописцев. Например, у известного русского иконописца монахини Иулиании, у гениального современного иконописца Зинона и у других. У меня много книг по иконописи и Православной литературы. Я часто читаю рукопись моего папы, написанную о технике иконописи. Мой папа, когда ему задавали вопрос, сколько лет он учился иконописи, отвечал, что он и сейчас учится. Так же могу сказать и я. Я все время учусь.